

**Кирилл
КАЗАНЦЕВ**

СУПЕР КОП

**Главный приз —
смерть**

Полицейская фортуна

Кирилл Казанцев

Полицейская фортуна

Серия «Суперкоп», книга 7

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6352044

Казанцев К. Полицейская фортуна : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-67876-1

Аннотация

Заместитель начальника ГУВД по Екатеринбургу полковник Крыльников выиграл в казино четыре миллиона долларов, вышел на улицу и был застрелен неизвестными. Версию об уличном ограблении оперативники отмели сразу – денег у полковника с собой не было: в казино ему выписали чек. А значит, Крыльникова убили по какой-то другой причине. Дело поручают сотруднику Управления собственной безопасности Антону Копаеву. Он начинает расследование и вскоре выясняет, что полковник возглавлял группу по расследованию коррупции в именитом футбольном клубе «Олимп». И убит он был именно в ту ночь, когда передал начальству первые данные о злоупотреблениях со стороны руководства клуба...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	55
Глава 4	76
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Кирилл Казанцев

Полицейская фортуна

Пролог

Рулетка крутилась, шарик строчил по ее поверхности белой пулей, и звук этот, вселяющий надежду в души одних и ужас в сердца других, казался чем-то мистическим, нереальным. Черное, красное, чет, нечет... Попадание в любую лунку гарантирует кому-то хорошее настроение, кому-то – будущее, кому-то – крах.

Щелк! Шарик врезался в преграду и поскакал по диску.

Этот маленький снаряд, пущенный беспристрастной рукой крупье, всякий раз бежит по полю и ведет себя так, словно сам не знает, какая ниша ему приглянется в последний момент.

Звук, возвещающий о том, что развязка близка.

Красное?! Нет, мимо. Тогда черное, что ли? Опять мимо... Семнадцать красное? Черта с два, ему эта квартирка нынче не по душе. Зеро? Нет... Двадцать два черное?

Двадцать три красное...

– Двадцать пять красное! – объявляет крупье, подводя итог странствования безмозглого шарика по игровому полю.

Вперед, господа. Налево те, кто нынче при фарте, – там

касса, направо – туалет. Заряженные одним патроном револьверы лежат там на столике. Шутка, конечно, никаких револьверов нет. В противном случае у ворот всех казино города дежурили бы «труповозки» районов, а население через полгода сократилось бы на треть. Но те, кому пора направо, чувствуют необходимость найти пистолет где угодно. Не все, конечно. Вот этому, с красными глазами и повисшим на шее узлом галстука, – на выход, на выход... Его уже ждет охрана, чтобы проводить в последний путь. Проигравшему все, что было, и еще столько же, теперь придется искать деньги, дабы отдать долг, ему здесь более делать нечего.

И шарик замирает в ячейке «двадцать пять – красное».

– Вам сегодня везет, Андрей Николаевич, – смущенно скрывая тревогу, бормочет крупье.

Тревожиться есть от чего. Известный игрок Крыльников, полковник полиции и заместитель начальника ГУВД города Екатеринбурга, пять минут назад подошел к столу в казино в «Азов-сити» и поставил десять тысяч долларов на тот самый номер и цвет, что виднелся в занятом шариком гнезде. Крупье впервые видел, как такую сумму ставят на кон, и сейчас вынужден был признать, что вряд ли когда-нибудь увидит, как при этом выигрывают.

А полковник забрал фишки и подошел к «однорукому бандиту».

Пять или шесть фишек провалились даром, однако спустя

уже несколько минут в казино под потолком раздался громкий сигнал, напоминающий электронную канонаду фейерверка и возвещающий о том, что случилось невероятное. Охрана закрывает двери, а по электронной бегущей строке частят цифры: «\$3995800...\$3995800...\$3995...»

Гул изумления, пропитанный черной и белой завистью, восхищением и уважением, проносится по всему залу и уходит куда-то под свод потолка. Посетители, отставив коктейли и забыв о собственных заботах, устремляют свой взор к победителю, который, кажется, сам не верит свалившемуся на него с небес состоянию.

– Господи, – бормочет белокурая дамочка с ридикюлем, разыскивая в толпе мужа. Бриллианты в ее ушах сверкают полицейскими проблесковыми маячками и очищают путь к карточному столу, за которым никак не может возобновиться партия в покер. Найдя супруга, бросается к его шее вурдалаком и яростно шепчет на ухо: – Скажи, скажи мне! Я плохо вижу, это он что, почти четыреста тысяч выиграл?!

– Нет, милая, – шевелит пересохшими губами ее вторая половина. – Он выиграл почти четыре миллиона.

И уже нет никакого интереса к игре. Главное в этом зале сегодня уже случилось. Что покер с банком в семьсот долларов, что зеленый стол с расчерченными зонами, где рядом свистит по рулетке шарик? Все кончено, и победы, похожей на эту, сегодня уже не случится.

– Андрей Николаевич, более удачливого игрока в жизни я

еще не встречал. Надеюсь, вы понимаете, что такой выигрыш требует заказа в банке? В моей кассе вряд ли наберется такая сумма.

Игрок приходит в себя:

– Речь о четырех миллионах долларах? Меня устроит выписанный вами чек на предъявителя. И я не сомневаюсь, что при предъявлении его обеспечение подтвердится.

Администратор и управляющий задорно рассмеялись, хотя и слышалась в этом смехе скрытая тревога. Смешно клиент сказал: «Если обеспечение подтвердится». Да если оно хотя бы раз не подтвердится... Но почти четыре миллиона долларов... Подтверждение, конечно, найдется. Не хватало еще шутить с Крыльниковым. Но четыре миллиона долларов... И посетители видят на лице хозяина разочарование. Игоря Викторовича понять можно, он не для того организовывал игорный дом, чтобы клиентура чистила его карманы подобным образом.

– Пройдемте ко мне, Андрей Николаевич, я оформлю необходимые документы, – предлагает управляющий, и все трое поднимаются по витой лестнице на второй этаж.

В зале становится скучно. Уже нет той живой энергии, что совсем недавно искрилась над каждым столом или у игровых автоматов. Главное уже случилось, но не в жизни тех, кто оставался под вторым этажом, на который вела витая лестница. Мужчины потянулись к бару, дамы – к туалету. И там и там в прохладе можно прийти в себя и переосмыслить слу-

чившееся.

– Вот так прийти и выиграть четыре миллиона, – не успокаивалась дама с бриллиантами. Только что закончив втягивать кокаин через соломинку, она теребит ноздри, как боксер, разминающий уши перед поединком. – Сукин сын Крыльников. Теперь, конечно, пересядет с «Крузера» на «Порш».

– Он что, дурак? – безразлично возражает женщина в платье для коктейлей, самой подходящей униформе для казино. – Он построит дом на берегу Лимпопо, а в кабинет к начальнику будет по-прежнему заходить в пятидесятидолларовых лаптях. Мой муж говорил, что Крыльников на хорошем счету, а потому милый Андрей Николаевич дотянет свои полтора года до пенсии и остаток дней не будет задумываться о будущем. Сам будет жить в Африке, а дети по доверенности до конца дней его получать неплохую пенсию.

– Так уж и в Африке?.. – слышится изумленный шепот.

Ей можно было верить. Это все равно как если бы Крыльников перед заездом в казино сам ей говорил, на что потратит выигрыш. Муж дамы в платье для коктейлей работал в аппарате правительства, и информация из ее уст всегда была свежей и достоверной.

– И все-таки он сукин сын, – окончательно приводя в порядок свой покрасневший и распухший нос напудренной подушечкой, сказала та, что с бриллиантами. – Счастливый сукин сын. А его стерва сейчас даже не подозревает, с чем он

вернется домой.

Кажется, в «Азов-сити» все знали счастливца.

Через полчаса в казино станет окончательно пусто. Здесь нечего больше делать. Главное уже случилось, а два раза подряд мина в одну воронку, как и шарик в лузу, не попадает.

Глава 1

Двое сидели в кабинете начальника Управления собственной безопасности города Екатеринбурга и смотрели, как слои сизого дыма шевелятся в горячих потоках воздуха, исходящих от калорифера с вентилятором. По тому, что на допросе они присутствовали сразу вдвоем, следовало догадываться, что подполковник, сидящий за столом напротив них, никакой хитрой разведывательной игры не ведет. В таких случаях работают исключительно индивидуально. Из этого следует, что он, следовательно, ни в чем крамольном их не подозревает и все, что ему нужно, это их память.

Один гость, в кожаной куртке – не в униформе отморозженных вымогателей с Савеловского рынка, а удлиненной, не подходящей для занятий боксом в уличных условиях. Под ней костюм с отливом цвета воронова крыла и такой же черный свитерок. Куртка с мехом, на подстежке, воротник вызывающе демонстрирует обеспеченность хозяина – черная норка великолепной работы финских скорняков, за воротником – тонкий шерстяной шарфик, опять же черный. Между шеей и свитерком – узкий, едва выступающий краешек воротника белоснежной рубашки. Черного столько, что, если бы не поддавшийся суете этой жизни испуганный взгляд голубых глаз, можно строить версии о том, что этот тридцатипятилетний мужчина – начальник кладбищенского хозяй-

ства, погружающего в землю исключительно состоятельных людей.

Второй, в отличие от первого, особым стилем одежды не отличался: носил короткое, по колено, кашемировое пальто, причем цвет его попеременно менялся в усталых глазах подполковника Быкова от темно-синего до черного, опять же костюм от Армани, то ли темно-серый, то ли черный, белая рубашка, черный шарф. И как у первого – черные лакированные туфли в двадцатиградусный мороз. Последнее свидетельствовало о том, что оба прибыли в ГУВД на своих авто. Работали мужчины в разных направлениях бизнеса и познакомились лишь благодаря случаю, из-за которого в кабинете и оказались.

Третий, присутствовавший в помещении, подполковник Быков, являлся его хозяином и занимал пост начальника Управления собственной безопасности.

Первый прибыл к воротам ГУВД на «Феррари», второй – на «Мерседесе». Определить, что дороже, возможным не представлялось, и сотрудники ГУВД нынче утром, проходя мимо припаркованных прямо под знаком «Только для служебных машин», гадали, кто из сотрудников потерял страх.

Общение началось со странного для хозяина темно-синего пальто приветствия. Притормозив перед входом в кабинет, высокий, атлетически сложенный мужик, как выяснилось позже – вызвавший их подполковник, осмотрел обоих, ткнул пальцем в соседа «темно-синего» и сказал:

– Как я догадываюсь, вы – Харчиков. Что означает, что вы – Зибарев. Заходите.

Уже несколько раз они скользили унылыми взглядами по шкафу с тонированными стеклами, где пряталась верхняя одежда Быкова. Разговор был скучный и неприятный.

– А потому я спрашиваю – с чего вы оба взяли, что человек, сорвавший в «Эсмеральде» джекпот, был из ментов? – закончил Быков и, внимательно рассматривая обоих, с удовольствием присосался к сигарете.

Гости тоже когда-то курили, но мода на здоровый образ жизни у состоятельных людей заставила их бросить дурную привычку, ибо дымящаяся сигарета в руках партнера по бизнесу в момент заключения сделки – несомненный моветон. С начала девяностых они и пить стали меньше. Из дурных привычек остались лишь тяга к азартным играм, выражающаяся в посещении казино, таких как «Эсмеральда», да пара косяков канабиса в день по окончании рабочего дня. Одного из них, «норкового», Быков знал давно, когда еще в начале девяностых работал начальником уголовного розыска во Владимире. Тогда Рома Харчиков был просто Харчком, разводящим на Центральном рынке города приезжих китайцев. Роме было двадцать, и у него была красная «девятка». По сто сорок восьмой ему вlepили четыре года и «девятку» отняли. Он вышел через два и на следующий день купил синюю «девятку». Через два месяца его снова «приняли» по тому же делу, вlepили пять, синюю конфисковали так же,

как и красную, после чего он вышел через два года и купил черную «девяносто девятую», которую последующие полгода торговцы из Владимира называли не иначе как «Черная вдова». Каждый, к кому она приезжала, сиротел на свой бизнес.

Рому опять закрыли, он вышел уже в две тысячи пятом и, кажется, взялся за ум. За чей именно, Быков пока не знал, но то, что у Харчикова своего не хватило бы ни на туфли от Тестони, ни тем паче на желтый «Феррари», подполковник знал наверняка. Как бы то ни было, претензий ни от властей, ни от граждан к Роману Алексеевичу в последнее время не было – проверкой этого и занимался Быков те полчаса, что гости сидели под его дверью. Не было претензий и ко второму, лицо которого советник видел впервые в жизни.

– Зибарев Владислав Павлович, – представился он, и даже по взгляду его читалось, что ни в зону, ни даже в «крытку» он не заезжал ни разу. Это имя, отчество и фамилия не сказали Быкову ровным счетом ничего, но это мало что значило, потому как начальник УСБ мог в течение одной минуты вспомнить несколько десятков ярких случаев из своей прокурорской практики, когда имя ему не говорило ничего, а шлейф поступков, тянувшийся за ним и не отмеченный ни в одной регистрационной книге УВД, был длиною с милю.

– Так почему вы решили, что человек, сорвавший джекпот, из ментов? – повторил Быков.

– Видите ли, – размеренно, словно восхищаясь собствен-

ной догадливостью, ответил Зибарев, – из нагрудного кармана его пиджака виднелся уголок красного удостоверения.

Быков пожевал губами, сухо сплюнул на пол непонятно откуда взявшуюся на языке при курении «Кэмел» табачную крошку и стал рыться в ящиках стола. Найдя нужное, он перегнулся через стол и сунул это в нагрудный карман пиджака соседа Зибарева. И теперь из-за накрахмаленного платка владельца дорогой итальянской иномарки выглядывал краешек синего удостоверения. Обладатель платка и какого-то нового предмета выглядел вполне спокойно и даже не моргнул, когда с ним проделывали эту малоприятную манипуляцию.

– Теперь скажите мне, господин Зибарев, кто сидит рядом с вами.

Тот повертел глазами, посмотрел на соседа и ответил, как отвечают примерные школьники:

– Это господин Харчиков.

– Это не просто господин Харчиков, – голосом учителя, смиряющегося с непроходимой тупостью ученика, произнес Быков. – Это постоянный посетитель библиотечного фонда ГУВД Свердловской области.

Рома Харчок вынул из кармана удостоверение, прочитал на нем: «Читательский билет», – и аккуратно, даже чересчур аккуратно, положил на стол следователя. В библиотеке он был один раз, во Владимире. Приходил посмотреть, нельзя ли выкрасть что-либо из старины типа рукописи «Песни

о вещем Олеге». Пришел и попросил почитать «что-нибудь очень древнее». Женщина с очками в роговой оправе на носу и формулярами в обеих руках спросила, какое направление читателя интересует. «Мне что-нибудь из Конана Дойля, – сказал Рома и, заметив поднявшиеся над оправой брови, уточнил: – Из раннего». Оказалось – библиотека научно-техническая.

– И если господин Харчиков ездит на «Феррари», то он что, Михаэль Шумахер? – добавляя к читательскому билету весу, усилил свои позиции Быков.

– Да что вы меня все машинами попрекаете? – взорвался Рома. – Что, и эту отнять хотите? Не выйдет! Я добропорядочный гражданин, имею свой бизнес и к миру криминала теперь никакого отношения не имею!

При последних словах господин Зибарев сделал едва уловимое движение, напоминающее отстранение в сторону вместе со столом.

– Если бы вы, начальник, тогда на суде не просили судью «тачки» у меня конфисковывать, то у нее самой ума бы ни за что не хватило!

– Не надо на себя имущество оформлять, Харчиков, – посоветовал Быков, и Зибарев засуетился. По всему выходило, что он присутствует на встрече старых знакомых, причем не самых хороших, и в контексте ситуации его репутация лучше не станет.

– Так что, Зибарев, если у человека из кармана край крас-

ной ксивы выглядывает, он обязательно мент? – словно прочитав его мысли, развернулся к нему следователь.

– Да гонит он, – буркнул Харчиков и полоснул острым взглядом соседа. – Торчал из кармана... Краешек... В «Эсмеральде» тот мусор завсегда роился с ему подобными. Его вся охрана знает – какой-то шишкарь из ГУВД Екатеринбурга. В «Азов-сити» чуть ли не прописался. Что ты луну крутишь перед ним? – раздраженно бросил он Зибареву, кивнув на Быкова. – «Мерс» лишний в гараже завелся, что ли?! Я его десять лет знаю, еще во Владимире вместе начинали...

– Вместе? – окончательно опешил владелец темно-синего пальто. – Начинали?..

– А я не говорил, что вместе – в прокуратуре, – под расслабленную улыбку подполковника пояснил Харчиков. – Этого мента в «Эсмеральде» знает каждый посетитель, не то что крупье. И вы посмотрите, как ему каждый раз везет, – на лице бизнесмена появилась ехидная усмешка, – менее чем без штуки баксов в кармане не уходит! Хоть самому в ГУВД Екатеринбурга устраивайся... Аура там какая-то денежная...

– Меня больше интересует, как Крыльников ушел с... – Накинув на нос очки, Быков стал читать цифру с листа: – Три миллиона девятьюстами девяното пятью тысячами и восемьюстами долларами.

– Ну как... – Харчиков пожал плечами, ища поддержки у Зибарева. – Насколько я помню, Гайка пригласил его наверх,

там расплатился и полковник спустился.

– Что, так и ушел? И карманы его, наверное, топорщились в разные стороны, как у тебя, когда ты воровал у Зайчихи во Владимире яблоки? Харчиков, ты когда-нибудь видел четыре лимона баксов наличными? В смысле, ты представляешь кубатуру, которую занимает такая сумма?

– Гайка мог расплатиться купюрами в десять тысяч долларов, – корректно вмешался в диалог Зибарев. – Это просто предположение. В конце концов, Гаенко с полковником могли договориться, и первый мог просто перевести деньги на его счет.

– Это на краешке красного удостоверения было написано – «полковник»? – Быков прищурился. – Или я вам сообщил звание? Зибарев, я вас сейчас «приму» по полной программе, а рэкетира-рецидивиста Харченко выпну отсюда к чертовой матери, потому что он единственный, кто не врет!

После обещаний испытать неземное чувство, когда толстая потная «дубачка» в «Красной Пресне» будет делать ему анальный досмотр, Зибарев почувствовал легкое недомогание и вспомнил, что фартового мужика, унесшего из «Эсмеральды» годовой бюджет Беларуси, зовут Андрей Николаевич, трудится тот в ГУВД Екатеринбурга заместителем начальника, ездит на черном «Крузере» две тысячи одиннадцатого года выпуска и является в «Азов-сити» постоянным гостем. С ним всегда прибывают двое, и Зибареву припомнился случай, когда один из тех двоих предъявлял охранни-

ку красное удостоверение, что свидетельствовало о том, что они тоже полицейские. Частные охранники имеют удостоверения зеленого цвета. Во всяком случае, частные охранники Зибарева. С Харчиковым он познакомился в казино как раз в тот день, когда Крыльников сорвал джекпот.

Зибарев вспомнил, а Харчиков подтвердил, что сразу после выхода от хозяина казино Крыльников остановился у барной стойки, выпил две рюмки коньяку, закусил лимоном и вышел на улицу. Двое крепышей последовали за ним.

А Рома, стараясь выглядеть прилично в условиях жесткой конкуренции – при таком раскладе, где доверчивость Зибарева начала перехлестывать через край, уже становилось непонятно, кого выпнут к чертовой матери, а кому будут делать анальный досмотр, – добавил:

– Кстати, и полковник, и его менты проходили в зал с «железом», и охрана их через детектор металла не прогоняла. Один раз кто-то новый из охранников попробовал по ним какой-то приладой поводить, но его быстро урезонили. Тогда мусор свою ксиву и засветил.

Подумал и решил укрепить свой оборонительный редут еще сильнее:

– Когда полковник садился за стол, крупье всегда менялся и на раздачу вставал один и тот же.

– Фамилия? – бросил Быков, беря в руку карандаш.

– По фамилиям в игорных домах крупье не кличут. Зовут, знаю, Костя, а погоняло Туз. А что случилось-то, Иван

Дмитриевич? У меня шкура ходуном ходит. Такое чувство, что под нее какой-то инъекшн вогнать хотят, а я не знаю, какую сыворотку из штатива вынимать...

– Пока оба свободны, – распорядился Быков и, когда за посетителями закрылась дверь, снял трубку с телефона:

– Антон? Через полчаса на квартире.

Это означало, что подполковник УСБ Быков собирался встретиться с одним из своих самых талантливых сыскарей – старшим опером Управления собственной безопасности ГУВД Екатеринбурга Антоном Копаевым.

Антон Копаев никогда не присутствовал на совещаниях, и в здание ГУВД если и заходил, то очень редко, как обычный посетитель. Работая под прикрытием, он встречался с начальником только на конспиративной квартире ГУВД. Ни один из сотрудников УСБ, не говоря уже о сотрудниках ГУВД, не знал, что Антон Копаев – их коллега.

Они встретились через двадцать минут.

– Крыльникова знаешь? – вместо приветствия бросил Быков, направляясь на кухню.

Антон стоял у окна и наблюдал, как начальник заваривает кофе.

– Кто у нас не знает заместителя начальника ГУВД. А что?

– Убили его.

– Как убили? – опешил Копаев.

– Очень просто. Вот так, – Быков выставил перед собой

палец и пыхнул. — А потом — контрольный в затылок.

— Что-то я не припомню, чтобы Крыльников особенно мешал кому-то в Екатеринбурге.

— Его в «Азов-сити» застрелили.

Быков поднял дымящуюся чашку.

— Он выиграл в казино четыре миллиона долларов, и через полчаса его убили на улице.

— Как-то все слишком просто...

Быков протянул вторую чашку Антону.

— Конечно, не все так просто. Было бы все просто, я бы попросил кого-нибудь из управления просто сверить факты. А встретился с тобой. И ты этим займешься.

— Но это же игра в открытую? — возразил Антон.

— В «Азов-сити» поедешь как сотрудник УСБ Антон Копаев. Со своим удостоверением. Здесь будешь работать под легендой следователя по особо важным делам Генпрокуратуры.

Быков положил удостоверение на стол.

Антон сделал шаг вперед и взял корочки. Раскрыл.

Фотомонтаж. Он никогда не фотографировался в форме советника юстиции.

— Не молод ли я для такой должности?

— Ты выглядишь на тридцать. В самый раз для карьериста. Хорошее оправдание для шагающего по головам и рвущего когтями землю. То, что нам надо. Потому что в гости тебе придется ходить, Антон, к нашему начальнику.

– Он при делах? – удивился Копаев.

– Есть у меня подозрение.

– Вот черт! – вырвалось у опера.

– Вот именно. Придется летать в Краснодарский край и обратно. В общем, готовься в челночной жизни, Антон. Или как там тебя – Кряжин Иван Дмитриевич?

Глава 2

О деятельности Крыльникова в этот день Антон узнал немало.

Тот руководил следственной бригадой ГУВД Екатеринбурга, расследующей уголовное дело о финансовых махинациях в спортивном клубе «Олимп». Футбольный клуб «Олимп», неоднократно выступавший в Кубках УЕФА и Лиге чемпионов, является своеобразной визитной карточкой города, однако после смены руководства клуба и новой политики президента дела команды пошли на спад. Несмотря на то что с начала года клуб обогатился несколькими истинными мастерами футбола, к коим следует отнести и звезду испанских чемпионатов прошлых лет Анолсо – любимца московских болельщиков, нынешнее выступление клуба в Кубке УЕФА отнести к разряду успешных вряд ли возможно. После двух поражений кряду и одной ничьей «Олимп» выбыл из дальнейшей борьбы, а один из менеджеров клуба заявил о причастности руководителей команды к хищению средств клуба, что тут же вызвало поток критики в его адрес со стороны футболистов и руководства, а также шок у болельщиков.

28 декабря менеджер клуба, заявивший о махинациях, был найден в своей квартире в Фуркасовском переулке с петлей на шее. Рядом с телом находилась записка, в которой ме-

неджер просит никого не винить в своей смерти и объясняет причину своего поступка – желание отомстить президенту клуба за его намерение уволить менеджера сразу по возвращении из Бремена, где команда играла с местным одноименным клубом и отстояла ничью.

Полковник Крыльников руководил бригадой следователей всего неделю, но то, как он был «отстранен» от расследования, свидетельствует о том, что за столь короткий срок успел сделать многое. И теперь уже нет никаких сомнений в том, что убийство Крыльникова было связано с его служебной деятельностью.

Так ли это и почему на фоне этого расследования Крыльников погибает, выиграв перед смертью почти четыре миллиона долларов, предстояло выяснить Антону.

Дело находится в производстве Копаева. Это значит, что он имеет право на помощников. Антон уже появился в ГУВД как «важняк» и опросил троих сотрудников ГУВД. Ирония судьбы заключалась в том, что всех троих Копаев знал как профессионалов, но ни один из них даже не догадывался, что приезжий из Москвы «важняк» – старший лейтенант полиции, такой же сотрудник ГУВД города Екатеринбурга, как они сами.

– А как же следственный комитет, товарищ подполковник? Они занимаются убийством Крыльникова, и мы можем пересечься. В любом случае выходить будем на одних и тех

же лиц.

– Это твои проблемы, Антон. Пересечешься – спалишь легенду. В том-то и смысл, чтобы не мешать следственной бригаде и не прыгать у нее перед носом. В любом случае там, где будет идти следствие – в Краснодарском крае, – ты не помеха группе. Я свяжусь с руководителем, и твое появление вопросов не вызовет. Главное, не оказаться перед следователями, приехавшими из «Азов-сити», здесь, в Екатеринбурге. Впрочем, работая с ними в «Азов-сити», ты всегда будешь знать об их планах приехать в Екатеринбург.

– Понятно. А как не вызывать вопросов у нашего начальника? Следственная группа приедет, потом появляюсь я... Наш шеф далеко не глупец.

– Не глупец. Поэтому ты – «важняк» из Генпрокуратуры, а следственная группа – из Следственного комитета. Я тоже не глупец.

Антон рассмеялся.

О появлении в ГУВД Екатеринбурга представителя Генпрокуратуры знали все руководители. Поэтому лишних вопросов никто не задавал и особенно работе не препятствовал.

– От уголовного розыска мне нужен один Сидельников, – заявил «важняк» Кобаев в ГУВД. – А еще криминалист Молибога и кто-нибудь из Федерального агентства по спорту.

– Откуда вы их знаете?

– Рекомендовали в столице, – отъехал Антон. – Но, глав-

ное, из Федерального агентства. И тут уж на ваш выбор.

– А этот дядя вам зачем? – поинтересовался заместитель начальника ГУВД.

Антон разговаривал с ним, пряча улыбку. Всегда интересно общаться с человеком, которому формально подчинен, когда он не знает, что ты ему подчинен.

– Вы разбираетесь в структуре спортивного бизнеса? Я нет. И уж совсем не смыслю в перераспределении бюджетных средств в этой области и поступлении инвестиций от различных обществ и благотворительных организаций. Крыльников могли убить как с целью ограбления – я не исключаю, что хозяин казино ему выписал чек, – так и по той причине, что он всего за несколько дней раскрыл схему перераспределения казенных денег в клубе. Без профи в этом направлении мне не обойтись.

Замначальника провел рукой по лицу и потрепал себя за переносицу.

– Начальник ГУВД велел передать в ваше подчинение на все время расследования троих оперов.

– Это называется – вы хотите, чтобы я сам назвал состав бригады? – без эмоций возмутился Копаев. – И при этом требуете, чтобы я перекрыл канал информации? Тогда пусть ваш начальник договорится с министром о передаче в мое распоряжение еще по одному оперуполномоченному от каждого РОВД города. Мы будем ходить всем батальоном по Екатеринбургу и петь революционные песни.

Замначальника лишь пожал плечами.

Ситуацию вечером прояснил Быков. На той же конспиративной квартире.

– Объясняю для непонятливых, – на лице начальника УСБ читалось явное неудовольствие самим собой за то, что он говорил. – И министра внутренних дел, и начальника ГУВД сегодня утром вызвали... куда ты думаешь? Правильно, туда. И там первого прочистили орудийным банником от Царь-пушки по самые полипы, а второго попросили расследовать дело быстро и показать убийц суду как можно скорее. Как ты думаешь, Копаев, учитывая, что наш шеф видел, как и через что министра внутренних дел чистили банником и просили при этом его, начальника ГУВД Екатеринбурга, сделать дело быстро, он согласится на одного оперуполномоченного в твоей бригаде? Если ты настроен его переубедить – пожалуйста! – и Быков махнул рукой в сторону запертой двери. – Но если спалишь себя, пощады потом не проси.

Кто может ответить на вопрос – зачем Копаеву три оперуполномоченных уголовного розыска из ГУВД, если он сам определил, что достаточно одного? Искать ответ бессмысленно, потому как он находится в той области, куда нет доступа следователю.

И сейчас Антон торопился не в «Азов-сити», куда обещал Быкову поехать сразу после выхода из его кабинета. Он направлялся в ГУВД. Антон чувствовал, что в данный момент при определении приоритетов гораздо важнее в первую оче-

редь познакомиться с двумя спутниками Крыльникова, чем с крупье по прозвищу Туз и самим хозяином Гаенко, с которыми уже познакомился Быков. И Харченко, и Зибарев в голос твердили, что полковник вышел из казино и след в след за ним двинулись двое, как следовало догадываться, охранников. Кстати, в ГУВД не мешало бы выяснить, вписывалась ли та охрана в рамки расследования уголовного дела по «Олимпу» или же это была личная инициатива замначальника городского управления.

Главное управление встретило Копаяева напряженным вниманием. В вестибюле на стене был закреплен портрет Крыльникова, перетянутый черной лентой, на полу стояла ваза, в вазе – живые цветы. Все по правилам траура, и даже «часовой» на входе, молоденький сержант, имел на руке красную повязку с черным кантом.

Ни с кем не здороваясь, хотя знал каждого в лицо, Антон поднялся на этаж начальника и прошел в приемную.

«Главное – понаглее», – говорил сутки назад Быков.

– У Николая Игнатьевича люди, – тут же предупредила секретарь, мгновенно оценив и штатский костюм гостя, и его галстук, и толстую кожаную папку. – Вы по личному или как? Можете передать мне в руки, я отдам.

– Интересно, что вы рассчитываете получить в руки, если я к Николаю Игнатьевичу по личному? – буркнул Копаяев-«важняк» и посмотрел на часы. – Знаете что... Нажмите-ка эту кнопочку и сообщите начальнику, что его в прием-

ной ждет следователь Генеральной прокуратуры.

На всякий случай секретарь решила обидеться, хотя из сказанного ровным счетом ничего не поняла. За исключением, разумеется, последней просьбы.

– Но у него люди! – вспыхнула она, уставившись на Копалева.

Антон прошел к столу и под яростный протест секретарши нажал на кнопку сам.

– Николай Игнатьевич, извините, что отвлекаю. Это Кряжин, из Генеральной.

Чубасов ничего не сказал, но уже через минуту послышались глухие звуки по полу рядом с двойной дверью и щелчки опускаемых ручек. Из кабинета главы полиции города вывалились трое в одежде, приобрести которую на заработную плату невозможно, и, скользнув по следователю недружелюбным взглядом, вышли вон.

– Пусть заходит, Антонина Алексеевна, – разрешил по громкой связи Чубасов.

Кряжин смахнул со стула папку и под леденящий душу взор секретаря Антонины Алексеевны прошел в вотчину генерала. Кабинет был, пожалуй, даже попросторнее, чем у Генерального. Антон видел кабинет Генерального по телевизору. Потому, наверное, и портретов президента не один, а три. Президент в черной шапке с «крабом» всматривается в горизонт, где море сходится с небом, президент в летном костюме спускается (или поднимается) с лестницы, ве-

душей из кабины «Су». Президент за столом под штандартом. Антон уже давно заметил, что количество находящихся в кабинете портретов главы государства находится в прямой зависимости от размера вины хозяина этого кабинета за ситуацию на вверенном участке работы. Кроме того, слева от стола генерала Чубасова располагался флаг, а на столе стояла крошечная статуэтка Дзержинского. Она напоминала пестик, которым начальник екатеринбургской полиции размельчал корни для изготовления снадобья по задурманиванию мозгов своему руководству. Маленький Феликс и три больших портрета президента – вот, пожалуй, все, на чем можно было сконцентрировать внимание. В остальном все было как везде: тюлевые занавески, огромный стол, на котором можно было играть в теннис, стеклянный шкаф с литературой. Шкаф для одежды, наверное, располагался в соседней комнате, дверь в которую была замаскирована под стеллаж для книг, которыми никогда не пользовались. «Методика психологической подготовки сотрудников полиции», труд неизвестного Копаеву криминалиста Фарницкого со странным названием «Органическая криминалистика» и другие книги, чтение которых неизбежно приводит к потере самоконтроля и глубокой коме.

Генерал-лейтенант Чубасов являл собой крупную фигуру, и не только в правоохранительном мире Екатеринбурга. Господь не обделил его ни весом, ни ростом, прошлое его читалось по орденским планкам, хмуро блистающим на левой

стороне кителя. На правой стороне виднелись несколько знаков, подчеркивающих особую значимость генерала для органов внутренних дел: «Участник боевых действий», «Отличник МВД» и еще что-то очень похожее то ли на крест, то ли на меч, обвитое лавровыми листьями из серебристого металла.

Генералы очень не любят улыбаться, это претит их пониманию ответственности за работу на вверенной должности. Очки они частенько носят на кончике носа, что, несомненно, придает им сходство с Познером. Сейчас же, глядя на начальника ГУВД, Копаяев подумал о том, что генерала вместе с министром чистили одним банником. Настроение у Чубасова было ни к черту, визит «важняка» из Генпрокуратуры он расценивал как проникновение в комнату огромной мухи, только что слетевшей с помойки и теперь готовый обязательно на что-нибудь сесть, чтобы испоганить. Еще не успев переброситься с Чубасовым словом, Антон догадался, что неприязнь вызвана как раз теми причинами, о которых говорил Быков. Это раздражение от невозможности что-то сделать по горячим следам и, наконец, принятое не им решение, согласно которому заниматься поисками наглецов, устранивших Крыльникова, будет теперь Генеральная прокуратура.

Чубасов звонил в Генпрокуратуру. Там командировку в Екатеринбург старшего следователя по особо важным делам Кряжина подтвердили. Но кланяться «важняку» Чубасов не

собирался.

Само прибытие в свой кабинет молодого, по его меркам, «важняка» из прокуратуры, хотя бы и Генеральной, Чубасов воспринимал как личное оскорбление.

– Проходите, садитесь, здравствуйте, – процедил он, порядком располагаемых в предложении слов полностью раскрывая свое отношение к Кряжину. – Вы за тремя операми?

Антон провел пальцами по верхней губе и расстегнул на пиджаке нижнюю пуговицу.

«Лихо, – подумалось ему. – Чубасову только осталось сказать: – «До свидания, у вас есть еще что-нибудь ко мне?»»

– Не совсем это направило меня к вам, – стараясь выглядеть деликатным, сказал советник. – Меня интересуют не столько эти трое, сколько двое других.

– Какие двое других? – нахмурился генерал. – Решено было ввести в вашу бригаду троих.

«Вот оно что, – улыбнулся в душе советник, – «ввести»! Чуть не сказал «внедрить».

– Те, что были с Крыльниковым в казино. Двое молодых, крепких ребят, сопровождающих полковника всякий раз, когда он приезжал в казино «Эсмеральда», чтобы выиграть немного денег.

Чубасов начал багроветь. Сначала у него появился розоватый цвет на скулах, потом красные пятна на щеках. Когда румянец превратился в загар, краска вдруг отлила, и генерал медленно снял очки. С первым приливом ярости, таким

свойственным его поведению в минуты явного проигрыша в беседе, он справился успешно, хотя и дал возможность Копаяеву вдоволь понаблюдать за этим процессом.

– Вы, советник, плохо, наверное, понимаете, что происходит, – снова стал цедить он, стараясь выглядеть и раздраженным и терпеливым одновременно. – Погиб наш коллега. Уважаемый в полиции человек. Профессионал своего дела. Ваш же неуважительно-пренебрежительный тон наталкивает меня на мысль о том, что вы приехали расследовать дело о краже ящика сайры.

– Ну... – Антон улыбнулся, беря на себя труд выглядеть виновато. – Ящик сайры – это по части вашего ведомства. И вы напрасно так расценили мои слова. Я всего лишь хотел сказать то, что молодые люди сопровождали полковника постоянно. А то, что он был постоянным посетителем казино, причем посетителем удачливым, далеко не секрет. Стоит лишь зайти в «Эсмеральду» и спросить. Так вот именно с этими оперативниками я и хотел поговорить.

Чтобы сбить вспышку гнева, Копаяев решил довести ее до критической точки и тем заставить генерала вынужденно спустить пар:

– Кстати, неуважительно и пренебрежительно – это одно и то же.

Тот случай, когда при разговоре с подчиненными генерал мог запросто проматериться и казнить наглеца и когда вынужден был остановиться, дабы не выглядеть чересчур эмо-

циональным для представителя другой структуры.

Так и случилось.

– Почему вы решили, что они оперативники? – Стрелка душевного тахометра главного полицейского Екатеринбурга упала вниз, и теперь он выглядел принужденно-тактичным.

Сразу после его вопроса Антону показалось, как к нему со всех трех портретов обратились внимательные взоры. Пестик на столе, тому было все равно. Все происходящее в этом кабинете последние восемьдесят лет он считал недоразумением.

– Вам виднее, – этот удар нахального «важняка» был уже под дых. – Значит, они не оперативники. Но побеседовать с ними я все равно хотел бы.

Почесав затылок, Чубасов с трудом справился с нокдауном и нехотя снял трубку телефона. Голосом, далеким от задорного, прогудел:

– Шульгин, зайдите ко мне.

Человек с погонами генерал-майора по фамилии Шульгин прибыл в приемную быстрее, чем Копаев успел похвалить «со вкусом подобранную литературу» на бутафорском стеллаже. Наверное, кабинет прибывшего был рядом. «А может, и нет», – подумал опер УСБ, вглядываясь в лицо запыхавшегося полковника.

– Шульгин, кто у нас входил в сопровождение Крыльникова во время руководства им следственной группой?

«Это для меня, – понял Копаев. – Я сейчас просто обязан

отметить две вещи: Чубасов не знает, кто входил в охрану и что охрана полковнику предназначалась исключительно на время работы следственной группы по делу «Олимпа».

– Гринев, Стоцкий. Первый сейчас в отпуске, а второй уехал к матери в Казань. У мамы рак.

Антон погрыз ноготь и посмотрел на генерала исподлобья:

– Сегодня в два часа ночи Стоцкий и Гринев находились рядом с полковником Крыльниковым. Возможно, за несколько минут до его смерти. Если я сейчас поинтересуюсь, насколько внезапным для Гринева оказалось известие о том, что у его матери онкологическое заболевание, вы снова меня назовете безнравственным, генерал?

– Поосторожнее на поворотах, советник, – попросил Чубасов.

– А я и не думал сворачивать. И насколько целесообразным и своевременным для расследования убийства полковника Крыльникова оказалась отправка в отпуск Стоцкого – я тоже хочу знать.

– Вы получили максимум информации из того, что я мог вам предоставить, – на щеках Чубасова вновь выступил румянец. – И я прошу вас помнить, что в данный момент вы находитесь на приеме начальника полиции города. Генерал-лейтенанта, к слову как бы сказать.

И он завис над столом, давая понять, что тема разговора исчерпана.

– Я знаю, знаю, кто вы... – пробормотал Антон, равнодуш-

но оглядывая двоих генералов. – Но тогда и я прошу помнить, что разговариваете вы не с «битым»¹, а со следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры Российской Федерации. А потому докладываю вам как старшему по званию, хотя и не имею никакого отношения к носимой вами форме. Если сегодня к восемнадцати часам я не увижу двоих сотрудников вашего ведомства Гринева и Стоцкого, я гарантирую, что уже в четверть минут седьмого на стол Генерального прокурора страны ляжет мой рапорт, где я обосную ваше воспрепятствование в расследовании убийства полковника Крыльникова.

Генерал-майор Шульгин, видя, как Копяев застегивает на пиджаке пуговицу и не торопится взять со стола папку, стал откровенно нервничать. Сейчас была как раз та ситуация, когда подчиненному лучше находиться подальше от начальника. Редко кто желает становиться свидетелем обоснованного наезда на шефа, которому возразить на это по сути нечего.

– До свидания, – попрощался Антон и вышел в приемную. – Антонина Алексеевна, ваш босс просто душка.

– Если бы было иначе, мне бы здесь нечего было делать, – бросила она и тут же была вынуждена прихватить с аппарата трубку – кто-то беспокоил приемную начальника ГУВД по

¹ По традиции, «законника», провинившегося перед преступным миром впервые, бьют по щеке на «сходняке». Провинившегося вторично бьют по ушам и низвергают, а за последующие проступки могут приговорить к смерти. Вор в законе, потерявший авторитет, именуется «битым».

городскому телефону.

– Заряди за этим трюкачом пару ребят из своих, – сказал, подумав, Чубасов. Покусав дужку очков, он бросил их на стопку свежих газет. – И найди Гринева со Стоцким. Пусть зайдут сначала к тебе. Чувствую, что этот малый еще много дел нам наделает. Проинструктируй капитанов, о чем можно болтать, а о чем нет. Криминала никакого, а эти, с Дмитривки, представят все в своем свете.

– Уже, – молвил Шульгин.

– И пусть кто-нибудь съездит в казино. Если там хоть одна рожа вспомнит, что видела Крыльникова, то жить этому игорному заведению еще ровно два дня! Свяжись с местным ГУВД, пусть устроят им там санитарный день. Чтобы не было ни одного посетителя, пусть распихают персонал в отгулы!

– Уже.

Чубасов посмотрел на заместителя глазами, полными сарказма.

– С тобой приятно работать, Шульгин, – развернувшись к окну, он похлопал ладонями по столу. – Ерунда какая-то получается. Вроде за реноме ГУВД радеем, а получается, что уводим следствие от истины. Хотя в чем она заключается? Крыльникова явно не за четыре миллиона убили. За «Олимп» его убрали! За то, что накопал больше, чем следовало! Или ты иначе мыслишь?

– Мне даже в голову не приходило думать по-другому.

– Он так и не сказал, где данные его расследования по футбольному клубу, – пробормотал Чубасов, пытаясь хоть где-то опередить уже набравшую обороты прокуратуру в лице «важняка Кряжина».

– В последний раз мы созванивались с Андреем Николаевичем позавчера, в семь вечера. Крыльников говорил, что готовит хороший материал, но будет в ГУВД лишь сегодня утром. Сообщил, что много незавершенных дел.

– Знаю я его дела! – рявкнул генерал, громяхая ладонью по столу. – Откуда у него джип предпоследнего года?!

«Он говорил, что друг в Германию уехал, а машину ему оставил», – хотел сказать Шульгин, но, посмотрев на ступку на столе, решил промолчать.

– Все, бля, норовите и рыбу съесть, и на санях прокатиться!.. Просрали дело «Олимпа»! Я тебя предупреждаю, Сергей Сергеевич! Если этот юркий с Большой Дмитровки и «мокрушников», и материал по клубу найдет раньше тебя, то пенсия твоя состоится с должности участкового в Теплом Стане! Хотя и генерал-майор. Понял?! С лампасами и папкой по территории ходить будешь, алкашей в райотдел водить! Набрал замов!.. Один по ночам в карты шпилит, второй... Поубивал бы!..

Шульгин по ночам в карты не «шпилил», на джипе не ездил, у него была скромная годовалая «Королла», а потому гнев генерала ожидаемо захлебнулся. Щелкнув зажигалкой,

он пыхнул сигаретным дымком и попросил Шульгина сесть. Тот понял все правильно и доложил о мероприятиях, которые уже были проведены. Они представлялись, как профилактика возможных устремлений нахрапистого «важняка».

– Двое из троих не в курсе, это чудаковатые малые, которых хотели списывать по райотделам. Они и не навредят прокурорскому, и землю рыть не в состоянии. Третий – профи, мой человек.

– Дожились, – прохрипел Чубасов, вдавливая окурок в пепельницу так, что та жалобно заскрипела по столешнице. – Следы путаем и луну крутим... Если бы я знал, что все так обернется, сидеть бы Крыльникову в своем Саратове до полной выслуги, – и он посмотрел на Шульгина так, словно это тот виновен в том, что начальнику ГУВД приходится спасать репутацию учреждения. – Столько лет создавал систему... Раскрываемость, профилактика – одни из лучших по стране. А ты попробуй организуй несколько тысяч человек без военных полномочий!.. Стремно все это, Шульгин, позорно. Но и еще большего позора нельзя допустить. Меня министр сегодня вызывал, – взгляд генерала потускнел. – Сразу после его поездки в Кремль. В таком состоянии я его еще не видел. Могли, могли нам убийство отдать... – он покачал головой и посмотрел по стенам. – Могли. Но не отдали. А потому нам нужно взять самим. Ты уж постарайся.

Шульгин постарается, он знал. Место первого заместителя начальника ГУВД все еще было свободным. С двух часов

ночи.

Стены кабинета молчали. Лишь на одной беспристрастно тикали ходики – подарок министра. Начальники почему-то всегда дарят подчиненным такие подарки. Наверное, чтобы те помнили о том, что постоянно опаздывают. К новой должности, званию. Единственное, что подкрадывается незаметно и нападает неожиданно, как наркоман на старушку, получившую пенсию, это сама пенсия. И чем реже подчиненный опаздывает во время службы, тем дольше она не наступает.

– Собери мне всю группу Крыльниковца, – уже спокойно сказал Чубасов. – Всех до единого следователей и оперов.

Самолет ударил шасси по бетону взлетной полосы и задрожал. Антон, без труда перенесший полет, посмотрел в иллюминатор и стал рассматривать здание аэропорта Ейска – ближайшего аэропорта к игровой зоне «Азов-сити».

Казино «Эсмеральда», несмотря на название, встретило опера тоской и тишиной. На дверях висело наспех отпечатанное на принтере объявление «Извините, у нас санитарный день», стоянка подле входа была пуста, огни потушены, свет выключен.

Оставив арендованный «Рено» скучать на обдуваемой со всех сторон парковке, Антон прошел к служебному входу и нажал кнопку звонка. Стоять на ветру – занятие всегда малоприятное, а стоять на ветру при желании попасть внутрь непременно вызывает раздражение. И Копаев нажал кнопку

во второй раз.

Пока стоял, обдумывал, кем ему выгоднее представиться. В кармане лежали удостоверения следователя Генпрокуратуры и опера УСБ ГУВД Екатеринбурга. Решив, что в этом заведении ему с большим успехом поможет звание советника юстиции, он переложил нужное удостоверение в карман брюк.

Гроыхнула какая-то дверь, кляцнул запор, потом еще один, и стальная, обитая лакированной рейкой дверь приоткрылась. Сначала появилась коротко стриженная массивная голова, и еще до того момента, когда появился воротник униформы, похожей на одежду полицейских из Майами, Копяев уже знал, что перед ним охранник.

– Генеральная прокуратура, – сказал советник. – Мне нужно внутрь.

– У нас закрыто, – поморгал представитель местной «секьюрити».

– Ты не сообразительный, верно? Повторяю по слогам: Генеральная прокуратура.

Впустил. Но пошел следом, словно готовый в любой момент навалиться и задавить насмерть.

«Вообще, – думалось Копяеву, – все это очень навязчиво, хотя и мило. Стоцкий в отпуске, мать Гринева одолел рак, а казино закрылось на санитарный день. Стоит сейчас повернуться к быку и спросить, где находится кабинет босса, как тут же поступит ответ, что тот улетел в Сызрань на курсы

повышения квалификации владельцев игровых домов. Или на чемпионат Европы по покеру».

– А где управляющий-то, братишка? – разглядывая пахнувший пластмассой зал, через плечо спросил советник.

– Он в санэпидемстанцию уехал, – вполне дружелюбно ответил тот и вдруг предложил пройти к администратору казино, некой Эмме Петровне. – Она всегда за главного остается, когда хозяин в разъездах.

Антон согласился.

Заочно представленной дамой оказалась вполне миловидная женщина лет тридцати пяти от роду в сиреневой блузке, поверх которой на золотой цепочке прыгал знак зодиака Козерог. Внизу стройную фигуру плотно обтягивали джинсы. Эмма Петровна мягко стучала пальцами по клавиатуре ноутбука, выставляя их вперед, словно переломанные, оттого «козерог», подкидывая то зад, то перед, и скакал на ее тугой маленькой груди. Ногти, которые Эмма Петровна берегла при работе, были небесно-голубого цвета и столь длинными, что Копаев не понимал, как, печатая так быстро, она не нажимает на все клавиши разом. Волосы женщины были собраны в аккуратный пучок на затылке, пронизательный взгляд голубых глаз был устремлен в экран монитора, ножки в фиолетовых сапожках дробили шпильками по мраморному полу кабинета. У Антона силуэт женщины стал вызывать легкие приступы идиосинкразии: из одежды не синих оттенков Эммы Петровны был лишь черный бюстгаль-

тер, явственно проступающий через тонкую материю блузы.

– Эмма Петровна, к вам посетитель, – сообщил охранник и вышел сразу, едва взгляд ее голубых глаз указал ему на дверь.

– Хороший парень, – похвалил Копаев, расстегивая куртку и усаживаясь на офисный стул напротив кресла женщины. – Некоторые дамы порою бывают настолько увлечены любимым делом, что даже не замечают, что в комнату кто-то входит. Не предупреди он сейчас, думаю, вы бы на меня не обратили никакого внимания.

Перестав печатать, женщина стала столь же пристально рассматривать гостя, как тот недавно изучал хозяйку.

– Я бы не сказала, что это, – она кивнула на монитор, – мое любимое занятие. Вы кто?

Распахнув удостоверение, «важняк Кряжин» услужливо положил его перед женщиной. Не прикасаясь к документу, она склонила над ним аккуратную головку на точеной шее и долго изучала содержимое.

– Вот как, – невозмутимо придвинув удостоверение к хозяину, она хмыкнула, и Антону показалось, что искренне. – И зачем я понадобилась нашей прекрасной Генеральной прокуратуре?

– Вообще-то не вы. Направляясь сюда, я мечтал встретиться с хозяином и некоторыми людьми из персонала. Но сейчас вижу, что не о том мечтал. Ваши ногти настоящие?

– Игорь Викторович в СЭС.

– Да, я уже наслышан, – кивнул Антон. – А что случилось? Выши под сукном завелись? Или кто-то из клиентов наката телегу, отравившись шампанским?

– Ногти накладные.

В этом кабинете ему нравилось. Эмма Петровна, по-видимому, обжила это помещение давно, и теперь каждая молекула воздуха была насыщена едва уловимым ароматом ее духов, названия которых советник не знал, но как мужчина чувствовал, что они женщине очень подходят. Книжки, дискеты, видеокассеты – все здесь имело свое, давно определенное место. Загляни он сейчас в сумочку, что стояла на столе приоткрытой, – и там, наверное, был такой же гвардейски установленный порядок. Женщины такого типа не любят, когда кто-то крадет их время, не любят ни слушать, ни давать пустых обещаний, и что совершенно точно – не падают в кровать, взваливая на себя малознакомое тело противоположного пола.

– Сегодня утром пришли двое, составили акт, велели закрыть заведение и вызвали Игоря Викторовича к себе.

– На этих мерзавцев совершенно нет управы, – неожиданно поддержал посетитель. – Эти летучие бригады беспредельщиков – настоящая угроза для честного бизнеса «Азовсити». Сейчас Игорю Викторовичу, наверное, придется давать взятку. А я так рассчитывал застать его в хорошем настроении и при холодном рассудке.

– Все, что знает Гаенко, знаю и я, – чуть играя глазами,

заметила Эмма Петровна. – Возможно, я знаю даже больше. А потому спрашивайте не сомневаясь. Постараюсь быть откровенной. Давайте я догадаюсь. Вы здесь по поводу убитого неподалеку отсюда какого-то полицейского?

Копаяев смущенно потупил взгляд.

– Вот вы говорите – постараюсь быть откровенной. И тут же пытаетесь ввести меня в заблуждение, уверяя в обратном. Эмма Петровна, Андрей Николаевич Крыльников был постоянным клиентом вашего казино, и говорить о нем в неопределенной форме с вашей стороны, простите, просто легкомысленно. Людей, которые каждый раз уходят из чужого дома и уносят с собой по тысяче долларов, хозяева этих домов забывают. А уж после того, как они уволакивают из заведения по полу мешок с деньгами... – опер рассмеялся. – Прямо-таки не хочется верить в то, что вы, не установив всех полных данных человека, собирались вручить ему четыре миллиона долларов.

– Почему – «собирались»? – удивилась женщина. – Вручили. Однако установление места работы клиента не входит в компетенцию нашей службы безопасности. А потому я с вами абсолютно откровенна. Людей в форме и с автоматами я здесь видела часто, но в рулетку они не играли. Все больше разобщали организованные преступные группировки и искали наркотики. Известие о том, что убитый клиент – коп, я впервые получила от вас.

«Не прокатило», – не огорчился Копаяев. Примерно по-

добное он и ожидал услышать, но не думал, что женщина устоит даже тогда, когда он попытается ее провести. Однако разговор только начинался, и времени на прокачку, которая уже началась, хватало с избытком. Он был твердо убежден, что теперь, после быстрой смерти игрока, руководство казино в любом случае будет уверять всех, что выигрыш уплачен. Это могло быть правдой, могло правдой и не быть, однако теперь уже никто не шепнет ему на ушко: «А денежки-то Гайка Крыльникову не выдал! Обещал утром, по его же просьбе, но не выдал!» А теперь авторитет казино только усилится: и клиент вознагражден, и игровой дом финансово не пошатнулся.

– Он так и ушел с мешком?

Эмма Петровна мягко улыбнулась. Даже не улыбнулась, а просто опустила вниз уголки губ и чуть прищурилась. Мужчине ей нравился. Было в этой улыбке что-то располагающее и в то же время держащее на расстоянии.

– Такие суммы выдаются чеками, господин следователь.

– Можно просто – Иван Дмитриевич, – предложил Копалев.

– Деньги выдаются чеками по желанию клиента, Иван Дмитриевич, – она доброжелательно наклонила голову набок. – Либо перечисляются на счет клиента. Опять же по желанию.

– А Крыльников пожелал чек? – уточнил Антон.

– Совершенно верно.

– И чек был тут же выписан ему господином Гаенко?

– Полная правда.

– И как часто сотрудники ГУВД из другого региона выигрывают у вас такие суммы?

– Если под «такой суммой» вы имеете в виду джекпот, то на моей памяти администратора это случилось во второй раз за восемь лет существования казино «Эсмеральда». Обычная статистика для игорных домов мира. Однако были ли те счастливицы сотрудниками ГУВД из другого региона мне, повторяю, неизвестно.

«Ей хватает ума не делать то, что сейчас обязательно сделал бы мужик. Он заявил бы мне, что не выходит из этой комнаты до окончания работы, а потому ничего не видит и не слышит».

– Правда полной не бывает, Эмма Петровна, – вздохнул Кобаев. – Она либо просто есть, либо ее просто нет. А как зовут крупье, который находился рядом с полицейским, когда тот выиграл джекпот?

– Его фамилия Тузков. Но потеряете время, если будете его искать.

– Почему же?

– Он исчез.

– Ты посмотри, какое совпадение.

– Бывает. Я бы сама хотела с ним поговорить.

Она курила. Откуда-то из-под стола появилась пепельница с тремя окурками сигарет с белым фильтром, а между тем

в воздухе даже не пахло дымом. Ответ нашелся быстро. Едва от двух сигарет отделилось по облачку, администратор включила вентиляцию. И Антон даже перестал чувствовать вокруг себя знакомый табачный аромат.

Справляться о местонахождении Кости Туза он не стал. Это было бы непростительной глупостью. Задай он сейчас этот вопрос, Туза он мог бы уже и не найти. Слишком большие деньги поставлены на кон. Возможно, что Туза и без этого вопроса уже нет в городе, а быть может, и в живых – он, бесспорно, стоит меньше четырех миллионов долларов. Однако пока это не установлено фактически, пусть остается маленький, но шанс. В Копаева стало прокрадываться понимание того, почему Гаенко «в СЭС», а под него подставлена эта женщина. Администратор казино – исключительно мужская профессия. И не каждый удержится на такой должности восемь лет. Мисс Эмма держится, и, как можно догадаться, крепко. Значит, есть за что держать. И за что держаться, тоже. Игорь же Викторович фигура, по-видимому, не самая сильная, что дает все основания думать – фигурой он является исключительно штатной. Зиц-председатель. Таких ищут в среде неудачников, которым на вопрос о месте работы нравится бросать мимоходом: «Да, так... Управляющий казино». И сейчас это стало находить свое понимание у следователя.

– Почему вы молчите? – поинтересовалась она, сладко приобщаясь к тонкой сигарете. Есть женщины, которых со-

вершенно не портит вид сжатых в затяжке губ.

– Пытаюсь понять, в чем разница между администратором казино и его управляющим, – витиевато изложил ход своих мыслей советник.

– Вам не кажется, что это помещение – не самое лучшее место для откровенных бесед?

И она посмотрела на Антона столь простодушно, что он пожевал губами.

– Я могу предложить вам кофе? – уточнила она.

– Быть может, лучше сразу потанцуем?

– А вы умеете быть хамоватым.

Копаяев улыбнулся:

– Я не люблю кофе. Я от него дурею. Сразу хочется лечь и начать говорить глупости.

Она наконец-то улыбнулась:

– И этим, наверное, пользуются многие представители моего пола?

– Не представляю, как можно пользоваться представителям вашего пола представителями моего пола, способными только лежать и глупить.

Через полчаса они оказались в кафе «Шариот».

Ему принесли чай, ей – терпко пахнувший кофе «Арабика». «Козерог» больше не взбрыкивал, все больше стоял в стойле и мирно шевелился в такт движениям ее груди. Она перенесла из казино за столик аромат духов, и все, казалось, было по-прежнему, за исключением отношения к сле-

дователю. Здравовалась администратор со следователем Генеральной прокуратуры, а разговаривала теперь с мужчиной, который ей определенно нравился. Эти редкие движения, поправляющие лямку бюстгальтера, и едва уловимый блеск глаз, и румянец, выступающий на щеках. Как бы по-гвардейски ни была упакована сумочка женщины, ее хозяйка все равно останется женщиной. Для нее естественно нравиться сильному мужчине, пытаться делать из него слабого и завоевывать.

«Или пытается меня провести», – подумал Антон.

– Вы спрашивали, чем администратор отличается от управляющего, – напомнила она, вернувшись из уборной, о необходимости посещения которой говорила пять минут назад.

– Я не спрашивал. Я отмечал.

Она улыбнулась уголками губ.

– Хорошо, пусть так. Но вас это интересует. Постараюсь объяснить. В функции Игоря Викторовича входит организация внутренней и внешней политики игрового дома. Я же отвечаю исключительно за обеспечение казино всем необходимым, в том числе и кадрами. Распорядок работы, правила и даже лампочки под потолком – это мой круг обязанностей. Если в баре не окажется «Хеннесси» в тот момент, когда его потребует клиент, неприятности будут не у бармена. И не у Игоря Викторовича. Они свалятся на мою голову. Если под клиентом сломается стул, то отвечать за это, как

ни странно, буду я. Но подобные необоснованные претензии меня вполне устраивают, потому как заработная плата, получаемая мною, компенсирует эти неудобства сполна.

– Теперь я даже боюсь спрашивать о круге обязанностей Гаенко, – буркнул Копаев, рассматривая зал в тот момент, когда она в очередной раз поправляла на плече лямку. – В смысле – о его заработной плате.

Да, сказала она, Гаенко отвечает за все. И за сломанную ножку стула в том числе. Потому что он управляющий. Но в отличие от Эммы Петровны у него есть, с кого за это спросить – с Эммы Петровны. А еще он полностью контролирует бухгалтерию казино, к чему она доступа не имеет априори. Теперь следователю Ивану Дмитриевичу все понятно?

– Кроме одного, – заметил Антон. – Что следует подразумевать под «внешней» политикой «Эсмеральды». Не организацию ли деятельности «лохотронщиков» на рынках столицы?

Она рассмеялась, заказала себе (советник отказался) белого вина, ей принесли. И рука с длинными синими ногтями на тонких пальцах, держащая хрустальный фужер, почему-то показалась Антону дланью гарпии, обхватившей чью-то безвольную шею.

– Вы удивительно милый человек, Иван Дмитриевич, – сообщила она советнику новость. – Непосредственный. Просто удивительно, как вы работаете в таком ужасном ведомстве, как прокуратура.

Копаев рассмеялся – уже давно было нужно.

– Ваше мнение о прокуратуре меняется в прямой зависимости от мнения обо мне. Чем более я для вас мил, тем ужаснее прокуратура. А совсем недавно, глядя на меня с нескрываемой неприязнью, та же самая прокуратура казалась вам прекрасной, – немного отвалившись на стуле, ровно настолько, чтобы не казаться развязным, Кряжин на этот раз оглядел спутницу весьма пристально. – Но вы меня пытались надуть.

– Правда? Когда же?

Глаза ее сверкнули любопытством, которое появляется у людей, застигнутых врасплох.

– До того как попросить у официанта вина, вы что-то искали в своей сумочке, а когда нашли, продемонстрировали мне платок, которым вытерли уголки губ. Через три минуты вы извинились, вышли в уборную, а когда через пять минут оттуда возвратились, из правого кармана ваших джинсов выпирал какой-то предмет. Я смею предположить, что это мобильный телефон, и готов поклясться, что в вашем кармане его не было, когда мы пришли в кафе, – Копаев насмешливо улыбнулся. – Только не спрашивайте, почему я готов поклясться. Помимо того что я следователь, я еще и мужчина. Так вот, насколько мне помогает мой мужской ум, женщины не носят телефоны в карманах узких джинсов. Иначе говоря, в сумочке вы искали не платок, а телефон. Проще говоря – пытались меня провести, постоянно заявляя о том, что предельно откровенны.

Она допила вино и поставила бокал на скатерть. Удивлена она не была. Скорее разочарована.

– И что из этого следует?

– Из этого следует, что уходили не для того, чтобы припудрить нос, а позвонить. И позвонить тому, кого я знаю, на общую для нас тему. Только в этом случае вам было невыгодно мое присутствие. Если учесть, что мы с вами только познакомились и у нас не может быть общих знакомых, разговор с которыми мог бы поставить вас в неудобное передо мной положение, я делаю вывод, что вы звонили Гаенко. Он единственный, кого мы знаем оба.

– А вам не приходило в голову, что я могла звонить своему гинекологу? – отрешась от высокого, бросила она.

– Нет, – Копаев щелкнул по ручке чашки и она со скрипом провернулась на блюде. – Потому что, к примеру, мне самому в данной ситуации даже в голову не пришло бы звонить своему урологу.

– Даже если на момент встречи со мною у вас был назначен прием?

– В этом случае я позвонил бы при вас и сказал: «Сан Саныч, вы не могли бы перенести прием на час?» И вы тут же подумали бы, что я опаздываю к Генеральному прокурору. Эмма Петровна, не пугайтесь, я не стану вас расспрашивать о содержании вашего разговора. Придет время, и мне об этом поведаете если не вы, то Гаенко. Я просто возвращаюсь к теме, которую вы сначала, не подумав, огласили, а после

от которой, спохватившись, решили уйти. Так что в «Эсмеральде» называется «внешней» политикой?

Она стала прежней. Холодный блеск глаз, мраморный цвет лица бизнес-леди, размеренность движений.

– Если вы ожидаете услышать что-то необычное, не вписывающееся в рамки понимания обычного человека, вы ошибаетесь, – она покрутила салфеткой, как веером. – Внешняя политика – это привлечение в казино состоятельных юбиляров с компаниями, представителей деловых кругов для завязывания связей. Приглашение известных людей для вживления в них привычки всякий раз, когда они выезжают в город в поисках развлечений, возвращаться в наше казино. Однако ничего криминального или просто нарушающего принципы нравственности в этом нет.

Закончив с этим, она забрала с колен сумку и принялась снова что-то искать.

Она вынула деньги, но Антон ее опередил. За свой чай он всегда платил сам. Даже под прикрытием.

Он предложил услуги арендованного «Рено», однако она выбрала такси. Быть может, в силу вживленной в нее привычки подчиняться внутренней политике заведения – не общаться с прокуратурой не в интересах организации. Поездка на служебной машине Генеральной прокуратуры, то есть – услуга личного характера, в интересы организации не входила. Однако не исключено, что это произошло просто из-за привычки Копаева не торопить события.

Через сорок минут советник был в операционно-информационном отделе Генеральной прокуратуры.

Глава 3

Желание выйти из автобуса застало оперуполномоченного уголовного розыска ГУВД Екатеринбурга Гринева в тот момент, когда он уже почти в него зашел. На автовокзале было необычнолюдно. Кто-то торопился попасть в Екатеринбург до праздников, кто-то, наоборот, торопился приехать, и от людей рябило в глазах. Потенциальные пассажиры, встречающие и провожающие, курили, выпивали, поглядывали на осуществляющие «каботажное плавание» патрули, разговаривали, и разговоры те, сливаясь воедино, превращались в непрерывный гул.

Гринев взошел на первую ступеньку автобуса и в этот момент ощутил чувство незащищенности, которое теперь будет преследовать его каждую минуту, пока он в течение нескольких часов будет занят изучением пейзажа за окном. Ему велели выехать за пределы области и на месяц заняться приятными для себя делами, однако мысль о том, что покидать область он будет в просматриваемом насквозь автобусе, уверенности ему не добавила. Странно, что он не подумал об этом тогда, когда покупал в кассе билет. Ему вообще не улыбалось покидать Екатеринбург. И в тот момент, когда он взошел на подножку автобуса, он принял окончательное решение.

Это большой город, и найти в нем человека, который зна-

ет, как стать невидимым, трудно. Манеры тех, кто будет его искать, если вообще те искать его будут, ему хорошо известны. Так зачем, спрашивается, ехать туда, куда не хочется, и испытывать те же чувства, что он будет испытывать в Ебурге?

Билет нужно скомкать и выбросить. Деньги были, и это как раз тот случай, когда экономия могла дорогого стоить. Он выбрался на улицу и посмотрел по сторонам.

Вынул телефон, задержал взгляд на табло. До шести, то есть до того времени, к которому ему было велено исчезнуть из города, оставалось менее двух часов. Но этих ста сорока минут все равно достаточно. Хватит на то, чтобы раствориться в западной части страны.

Выбравшись из толпы, он вытянул следом сумку и направился к стоянке частников.

– Командир, – тут же приклеился один из них, – иду в Пермь, народ собирать некогда. Дома неприятности. За полцены поедешь? Мне все равно прямо сейчас ехать, так не порожняком же!

Сговорившись на две трети цены, хотя в этой ситуации Гринев заплатил бы два счетчика, он сел на переднее сиденье, и белый «Фиат» с желтой светящейся призмой на крыше выехал с вокзала. Водитель ехал молча – спасибо ему за это. Видать, неприятности дома были действительно большие. Музыка между тем играла – сервис есть сервис, и Гринев, чуть приспустившись на сиденье, размышлял о том, как

вернется и чем займется в первую очередь.

«Главное – не дать возможности понять, что я рядом...»

И в этот момент сыщик почувствовал легкое волнение. Музыка, игравшая в салоне чисто и ясно, вдруг начала давать легкие сбои. Едва уловимые ухом шорохи врывались в куплеты уголовных бардов и придавали им качество записи, сделанной на концерте. Это происходило в считанные секунды, после чего радиола снова посылала в динамики за спиной звуки невиданной чистоты.

Размышляя, что может являться причиной такого фона, Гринев машинально откинулся назад и посмотрел под панель «Фиата». Если бы он сейчас увидел радиостанцию, стационарно вмонтированную под ящиком для перчаток, он бы успокоился. Рация в такси – дело привычное. Однако рации не было. Таксисту ее маскировать незачем. Братья же менты стационарные автомобильные радиостанции маскируют, однако фон, выдаваемый ею на радио, несравненно выше. Иначе говоря – в машине стояло очень дорогое переговорное устройство, на покупку которой МВД никогда не решится. Оставались бандюки, и теперь для Гринева в совершенно новой редакции слышались слова «таксиста» о том, что он нажил дома проблем и пассажиров в этой связи он брать не хочет. Где причинно-следственная связь между домашними неприятностями и нежеланием заработать? Если у него дома отдаст концы жена, то таксист уже давно мчался бы по шоссе, забыв о попутном «грузе». Если же смерть дома никому

не грозит и это на самом деле просто неприятности, тогда почему бы еще не потолкаться на вокзале с четверть часа и не заработать в три раза больше?

И как-то так же неожиданно пришло в голову, что МВД «Фиаты» для работы не использует. Равно как и бандюки. Гринев работал опером добрый десяток лет и ни разу не встречал криминально озабоченных типов, которые куражились бы на предках «Жигулей». Практицизм полицейских и их антиподов заставляет выбирать машины помощнее в ущерб другим идеям. Вот Гринев догадался. Почему же другой не догадается? Но МВД все равно не будет закупать «Фиаты» для работы. Тот случай, когда практицизм побеждает тонкость оперативного мышления.

Вот тебе и съездил по просьбе начальника в область.

Дальнейшие мысли опера прервал сам водитель. Через минуту, километров за двадцать до МКАД, он сбросил скорость и стал прижимать машину к кювету.

– «Коней привяжем»?

Гринев был не против. Два стаканчика горячего кофе давали о себе знать еще в начале пути, но он решил повременить и дожидаться Москвы. Сейчас же выходило, что инициатором остановки был не он, а водителю отправлять естественные надобности не запретишь. Почему же тогда не воспользоваться случаем? Заодно и подумать на свежем воздухе.

Выйдя, он хлопнул дверцей и пристроился справа от так-

систа.

Водитель, что не удивительно, управился быстрее и, крикнув что-то напоследок про мороз, захрустел по снегу за спину Гринева.

«Ничего не понимаю, – думал опер, совмещая приятное с полезным. – Зачем кому-то «вести» меня в Пермь?»

Это было последнее, о чем он вообще подумал. Развернувшись и поправляя одежду, он увидел перед собой сначала знакомую серую куртку водителя. Потом его лицо. На лице том уже не было ни искорки веселья, а глаза блестели стальным отливом. И только сейчас Гринева увидел предмет, мешавший ему иметь полный обзор перед собой. Водитель был правшой, и пистолет, зажатый в его руке, почти утыкался в левую бровь оперативника.

– Что за ерунда? – пробормотал коп, начиная догадываться о том, что до Перми его вести никто и не собирался. И он вдруг успокоился. Легкий мандраж исчез, потому что теперь волноваться уже не имело смысла.

Сам виноват. Вместо того чтобы предаваться стратегическим раздумьям на вокзале, нужно было повнимательнее прислушиваться к чутью на опасность. А это главное чувство, что ведет сыщика с первого дня его службы до самой пенсии по выслуге лет.

– Что нужно сделать?

– Где сейчас Стоцкий?

– Стоцкий? – выигрывая время, удивился Гринева. Значит,

все правильно... Сейчас вопрос решится с ним, Гриневым, а после они уберут Стоцкого. Теперь сомнений в том, кто организатор этой акции, не было. – Откуда я могу знать, где Стоцкий? Однако уверен, что не в Казани, не у постели матери, которую прихватил рак. Я сразу говорил, что эта легенда ни к черту.

Свой «ПМ» Гринев сдал в комнату для хранения оружия ГУВД еще утром. Полицейским, даже с правом постоянного ношения, не позволено убывать в отпуск с табельным пистолетом. Но кто заставит Гринева не брать с собой в отпуск другое оружие? Он потому и не летает на самолетах последние два года, с тех пор как начал сопровождать Крыльникова. В поездах и автобусах не заставят вывалить на стол все металлическое, а вот в терминале аэропорта непременно принудят расстегнуться и сдать четырехзарядный дамский «браунинг». Крошечный, почти смешной, 1915 года выпуска. Для отражения нападения СОБРа или погони со стрельбой он, понятное дело, не годился. Но вот для марша в предвидении встречи с противником просто незаменим.

– Последний раз спрашиваю – где Стоцкий? – ледяным голосом повторил водитель.

– Не знаю я! – вскричал сыщик. – Не знаю!..

Видя полное недоверие к себе, он наморщил лоб, и в отчаянии несколько раз встряхнул руками. И на третий раз, когда его уже трудно было заподозрить в желании оказать сопротивление, в горячую ладонь оперативника ГУВД вле-

тел смешной «браунинг», закрепленный в левом рукаве на резинке.

Звук выстрела, как треск переломленной хворостины, был тут же унесен ветром в поле. То же ожидало и второй выстрел. Лишь пули, пробив одежду водителя с неопределенным прошлым, но уже четко предугадываемым будущим, вошли в его тело и застряли – одна в животе, вторая – на сантиметр ниже сердца.

Затянув еще живого водителя-оборотня в «Фиат», Гринев растер ему лицо снегом, прихваченным тут же, под распахнутой дверцей, и сам превратился в ледяное спокойствие.

– А теперь спрашивать буду я. Кто послал?

С губы водителя сползла густая, похожая на густой кетчуп, жижа. Он повернул к оперативнику глазные яблоки тяжело, словно те тянулись на таких же резинках, на какой была закреплена «игрушка» его убийцы.

– Отвечаешь – и я везу тебя в больницу. До нее осталось километров двадцать, не больше. Пока молчишь, мы стоим.

– Жжет внут... ри...

– Кто послал? – чуть тише и тем более угрожающе прошептал Гринев.

Подсказывать фамилию не хотелось. Он был слишком для этого опытен и знал, что умирающий от боли человек согласится сейчас со всем, что ему скажут.

– На вокзале ты подошел ко мне и предложил подбросить. Еще через полчаса ты собирался меня убить, – откинув

крышку ящика, он с улыбкой посмотрел на дорожную портативную «Rednex», вмонтированную в стенку. — У тебя в машине прилада ценою в штуку баксов, а потому она никак не полицейская. Браток, назови фамилию того, кто тебе велел меня убрать, и я еду к врачам.

Глаза раненого мутнели, и Гринев как опытный сыщик понял, что ответа уже не последует. Наступала кратковременная кома, обещавшая перейти в биологическую смерть уже через несколько минут. Времени ждать этого никому не нужного конца не было.

Он вышел из машины, обошел ее и вытянул с пассажирского сиденья еще живое тело. Дотянул до кювета, толкнул вниз, спустился сам и ногами завалил темнеющий в сумерках бугор снегом.

Призма на крыше была, конечно, липовая. Отлепив магнит и выдернув провода, заставляющие прозрачный многогранник светиться, Гринев бросил ее на сиденье и тут же тронул с места. Выждав, пока мимо него промелькнет пятый столбик километрового указателя, опустил стекло и зашвырнул призму за обочину.

Еще час назад он собирался покинуть Екатеринбург на месяц, пока не утрясется вопрос с Крыльниковым. Сейчас становилось ясно, что с Крыльниковым вопрос положительно никогда не решится. И разница между сегодняшним возвращением в столицу и возвращением через месяц заключалась в том, что сейчас оставался шанс решить этот вопрос

самому.

Но никак не в этом направлении. Дураку ясно, что там его ждут. И Гринев, чуть сбросив скорость, веером развернул посреди дороги машину.

За сорок минут до того момента, когда лжетаксист остановил «Фиат» на продуваемой насквозь трассе, оперуполномоченный ГУВД Стоцкий пробрался сквозь суету железнодорожного вокзала, зашел в комнату дежурного по станции и с его помощью купил билет на поезд до самой Казани. Его мать болела уже два года, врачи предсказывали кончину еще полгода назад, но женщина продолжала жить. Тот случай, когда ошибочное мнение врачей приносит только радость. Но Стоцкий отправлялся не к ней. И не к кому-то конкретному. Он на несколько недель убирался подальше из Екатеринбурга, как ему и было велено.

До отправления поезда оставалось каких-то сорок минут, и Стоцкий вышел на перрон, чтобы в последний раз продышаться перед вагоном, пахнущим химией и влажным бельем. Купил в киоске пачку сигарет, выпил кофе, бросил в сумку пару газет – одну с кроссвордами, другую из разряда «желтой» прессы – хорошо отвлекает, когда не хочется думать о дне сегодняшнем, – и стал ждать подачи к перрону фирменного.

Через четверть часа, когда на крутом повороте подъездного пути появилась голова состава, к нему подошли:

– Стоцкий?

Покрепче прихватив сумку и быстро оценив двоих мужчин лет сорока на вид, интересующихся им, оперативник ГУВД процедил сквозь зажатую в зубах сигарету:

– Кто спрашивает?

Пока цедил, заодно оценил и тактический порядок построения подошедших. Руки в карманах, первый стоит перед ним. Второй чуть сзади, выступая на две трети корпуса и вполоборота. Если Стоцкий и Гринев, работавшие в одном отделе уголовного розыска ГУВД, кого-то задерживали без применения принципа «жесткого задержания», они располагались перед фигурантом точно так же. Это отличительная черта всех людей из ГУВД. Это неписанный закон всех, кто служит сыску. Их никто никогда не учит так вставать, опыт приходит с годами, как жизненная необходимость. Если фигурант начнет производить действия, то при таком построении он сможет совершать их лишь в отношении того, кого видит перед собой.

– Пройдемте с нами, – сказал один из мужчин и, видя нежелание выполнять просьбы подобного характера, добавил: – Не стройте иллюзий и не пытайтесь проверить, кто из нас троих быстрее бежит. Быстрее всех в Ебурге это делает он, – и мужчина кивнул в сторону напарника. – А я быстрее всех вынимаю ствол из кобуры.

С ним разговаривают. И, по меркам задержания, разговаривают чересчур много. Хотели бы сломать, сделали бы это в

два счета. Наверняка их не двое – двоих видит он, Стоцкий. Начнись куча-мала, нарисуются еще столько же. Значит, ломать его нет необходимости, нет такой задачи. Задача взять и привезти. Куда – пока не ясно.

– Быть может, представиться? А то у меня рука чешется свисток из кармана вынуть.

– Как только вынешь, я сразу ее почешу. ФСБ.

И Стоцкий рассмотрел через клубы выдыхаемого им пара удостоверение, подтверждающее слова мужчины.

– Куда идти?

* * *

Первая кровь окропила пол «Эсмеральды» ровно в полночь. В половине первого предновогодней ночи пролилась и кровь управляющего казино Гаенко, а стены его офиса были забрызганы мозгами. Последняя неделя старого года далась управляющему особенно тяжело. В последние дни он вообще перестал понимать, что происходит. За одно и то же его сначала похвалили, потом запугали, а после, чтобы больше на глаза не попадался, пришли убивать.

Без пяти минут двенадцать в казино вошли двое. Их, как старых знакомых, пропустили без досмотра, и они принялись делать то, зачем пришли. Молча выпили у барной стойки по бокалу пива, дождались, пока Гаенко пройдет к се-

бе из зала, после чего последовали за ним. Этот марш впоследствии останется незаметным, так как на втором этаже находится не только офис управляющего, но и бильярдная с маленькой закуской, где к рюмке водки подают фирменную закуску – только что вскрытую мидию с тремя глазками маслянистой красной икры и веточкой петрушки. На второй этаж подниматься вольны все, кто пожелает, но вот войти в офис управляющего любому желающему невозможно. За стеклянными дверями, в крошечном фойе, зеркальном снаружи и прозрачном изнутри, стоит охранник с большой, коротко стриженной головой в форме полицейского из Майами. Он никого никогда не впустит к управляющему без его позволения. Без спроса сюда входят лишь Эмма Петровна и несколько человек из крупье.

А потому этих двоих охранник впускать не собирался. Но потом пропустил, потому как исполнять служебные обязанности с печенью, насквозь проткнутой заточкой, невозможно. Кровь лила из него широкой, но медленной струей – так переливается парное молоко из подойника в тару. Запечатать рукой отверстие, дабы сэкономить кровь до приезда врачей, было также проблематично. Затыкаешь спереди – течет сзади. Затыкаешь сзади – тут же начинает литься впереди. Охранник так и умер в муках размышлений – где лучше зажать, чтобы протянуть хоть четверть часа.

Входом в его вотчину знакомых людей Гаенко был крайне удивлен. Во-первых, именно они вчера сказали ему, чтобы

тот уезжал из города этой ночью, то есть – разговор закончен. Во-вторых, в руках одного из них была длинная заточка квадратного сечения, и теперь он старательно вытирал ее о куртку Гаенко на вешалке. Кто-то недоволен тем, что он не уехал? Но, ребята, ночь еще не закончена, а ему не говорили, что ему следует покинуть город сразу после ее наступления.

– Вот сволочь, – пробормотал тот, что стоял у вешалки. Он раздосадованно посмотрел на лезвие своего оружия и бросил его в стоящую рядом урну. – Кончик обломился. В позвоночник, наверное, угодил.

– В чем дело, ребята? – Управляющий Гаенко стал испытывать тревогу. Она седлала его и пригибала к паркету. Перчатки одного из гостей, залитые кровью, вызывали у него страх.

Вместо ответа он получил вопрос, но перед вопросом получил в лицо.

– Где сейчас Туз? – спросил второй, усаживаясь на край стола.

– Туз? – не понял управляющий, зажимая хлещущую из ноздрей кровь. – Это – Костя, что ли? Понятия не имею. Я сам бы хотел...

Договорить не успел – пришлось переломиться пополам и сразу после этого начать искать ртом свежий воздух.

Некоторое время в кабинете висела тишина. Лишь в коридоре раздавался звук, происхождение которого сидящему на полу управляющему было непонятно. Словно кто-то ча-

сто и тихо дробил рантом ботинка по паркету.

Вечером он решил – уехать из города подальше. Из обстановки, которая начала складываться вокруг казино, становилось ясно, что самое интересное для следствия и неинтересное для него, управляющего, только начинается. Уезжать он решил утром, решив перед отъездом еще чуть-чуть заработать. Денег у него было и без того немало, однако вся наличность из кассы вряд ли помешает. Кому, спрашивается, помешают тысяч двадцать-тридцать долларов? Сейчас выходило: пожадничал, и напрасно. Исчезнув сразу, он избежал бы этой встречи. Гаенко хорошо знал и этих людей, и тех, кто ими управляет. Шутить с ними было глупо, и Гаенко никогда не шутил, ибо их указания – это указания их руководителя.

– Да ладно, не трясись, – положил ему руку на плечо второй и сделал кислую мину. – Мы по другому поводу. Не знаешь, где Туз, и бог с ним. Но вот где, Игорь, четыре миллиона?

– Какие четыре миллиона? – обмер Гаенко.

Тот, что совсем недавно был с заточкой, приблизился и тоже сел на стол.

– Ты неправильно задал вопрос, – поправил он спутника. – Он тебя просто не понял. Смотри, как нужно: Игорь, где три миллиона девятьсот девяносто пять тысяч восьмьсот долларов?

– Джекпот, что ли?! – воскликнул управляющий.

Оба рассмеялись, причем азартнее хохотал гость. Он ты-

кал управляющего пальцем в грудь и кивал головой.

А потом вдруг резко прекратил смеяться и несколько секунд наблюдал, как успокаивается, вытирая нос, Гаенко.

– Повторить вопрос? – спросил первый, вынимая из вазочки на столе сливу.

– Да вы что? – понимая, к чему сводится тема, прошипел Гаенко. – Я выписал полковнику чек, он свалил с ним наружу. Вы можете проверить по счету в «Комбанке»!

Дробь в коридоре затихла, и управляющему стало совсем тоскливо.

– Вы хотите сказать, что я прикарманил джек-пот?! Почти четыре лимона баксов?..

– Мы проверили счет, Игорь, – вынимая изо рта косточку, прогудел первый. Она, описав дугу, упала в урну рядом с заточкой. – Со счета «Эсмеральды» деньги действительно ушли. Но не на счет Крыльникова.

– А я здесь при чем?! – взвился управляющий. – Это дело полковника, на какой счет их переводить!

– Ты не понял, – заметил, подтягивая вазочку к себе, второй. – Точнее, ты все правильно понимаешь, но пытаешься из нас сделать идиотов. Ну, если ты хочешь, я тебе объясню то, что ты можешь объяснить лучше...

Гаенко автоматически отшатнулся, но на этот раз бить его никто не стал.

– Я не могу с уверенностью заявить, что за чек ты выписал Крыльникову, – сказал, усаживаясь поудобнее, любитель

слив. – И выписывал ли что-либо вообще. Скорее всего, ты ничего не выписывал. Потому что полковник помер в два часа ночи, а чек был реализован в одиннадцать утра следующего дня. И не в «Комбанке», а в его питерском филиале.

– И как это может меня подставлять? – резонно удивился Гаенко. – Если убийца знал, что у полковника чек и он убивал полковника из-за чека, то нетрудно предположить, что он завладел чеком и обналичил его в питерском филиале...

– Вопрос, – выставив перед собой указательный палец, перебил первый. – Откуда убийца мог знать, что у полковника чек, откуда он мог вообще знать, что джекпот сорвал Крыльников, если после ухода полковника еще четверть часа никто не выходил на улицу?

Гаенко возмутился непроходимой глупостью вошедших. Он смахнул со своего стола мобильный телефон и показал.

– У всех людей есть вот это! По нему можно передавать информацию! Например, позвонить на улицу и сообщить, что выйдет некто, у кого в кармане крупная сумма! Один в казино, второй – на улице. Все слышали, как я просил Крыльникова подняться наверх за расчетом. Что вы хотите мне предъявить? – Он засуетился, бегая глазами от одного знакомого лица к другому. – Что я пообещал Крыльникову деньги завтра, он ушел, а я выписал кому-то чек, по которому этот «кто-то» получил деньги, которые мы с ним впоследствии раскололи?

Первый не выдержал и рассмеялся. Впервые.

– А у меня все язык не поворачивался произнести хоть немного на это похожее! – Сунув в рот еще одну сливу, он вынул косточку и бросил ее в урну. На этот раз она ударилась о стену и выскочила на середину офиса. Он расстроился. – Вот именно это и тревожит хозяина. Именно это, Игорьек!

Гаенко оттолкнулся от стола и сверкнул глазами:

– Да пошел ты!..

– Тихо! – вскричал любитель слив. – Закрой рот!.. Где деньги, недоносок?

И Гаенко внезапно успокоился. Провел по лицу ладонью, словно стирая волнение, вынул из пачки, взятой со стола, сигарету и совершенно неожиданно спокойным голосом проговорил:

– Я выписал чек Крыльникову. Тот взял чек и ушел. Что было дальше, меня не касается. Есть расписка в получении.

– Правда? – искренне удивился первый и насмешливо посмотрел на спутника.

По большому счету, на эту расписку обоим было наплевать. Не для установления юридического факта они сюда прибыли. Но, поджав губы, стали терпеливо ждать, пока управляющий откроет настенный сейф, замаскированный под репродукцию картины Шагала. В принципе, все было уже решено. Вне зависимости от того, скажет управляющий правду или он ее утаит, участь его была заранее известна. Не правда ли, было бы удивительным уйти, оставив на пороге труп охранника, а в офисе свидетеля его убийства? Однако

если есть расписка, то ее следовало забрать. Это прямое доказательство другого юридически значимого факта – не для них, конечно, для следствия. Если в сейфе убитого Гаенко находится расписка Крыльникова в получении чека на сумму почти четырех миллионов долларов, то для Генпрокуратуры, которая взялась за дело, это четкое указание на то, что деньги Крыльникову были выданы. И Генпрокуратура, конечно, эти деньги станет искать. И не нужно сомневаться в том, что найдет. А вот это уже, простите, лишнее.

– Ты долго там шуршать будешь? – раздраженно спросил любитель слив, перегоняя косточку во рту.

– Все, нашел, – сказал Гаенко и развернулся.

Удивиться успел только тот, что убил охранника. И только потому, что первый выстрел предназначался не ему. С изумлением глядя на латунную гильзу, сверкнувшую в свете люминесцентной лампы, он посмотрел на руку, держащую пистолет. Заметив очередное движение пальца за скобой, он соскочил со стола, но это было все, что он успел сделать.

Рука управляющего, заметившего движение гостя, дрогнула, и вторая пуля, пробив насквозь скулу врага и раскрошив ему челюсть, вонзилась в стену. По полу вновь раздался цокот гильзы.

– А... – утробно загудел убийца охранника, вставая на колени и свешивая вниз голову. Нижняя часть ее, блестящая от крови и торчащими из нее острыми осколками костей, была похожа на днище бочки, из которой выбили пробку. И теперь

из нее на лакированный паркет лилась кровь.

Выйдя из-за стола, Гаенко подошел вплотную к раненому. Прикрывая рукой полу серого пиджака, он приставил срез длинного прибора для бесшумной стрельбы к затылку жертвы.

Третий хлопок окончательно заполнил офис сладковатым смрадом сгоревшего пороха, веер брызг ударил в стену, и по флизелиновым обоям поползли потоки густой жижи.

По полу умиротворенно катилась третья гильза.

Гаенко добежал до входной двери, разделяющей крошечное фойе и остальную часть казино, перешагнул через труп охранника и защелкнул замок. Потом, стараясь не наступать в три кровавых озера, постепенно сливающиеся в одно, вынул из урны заточку и вложил в руку любителя слив. Пистолет свой, так выручивший его несколько минут назад, тщательно вытер и вложил в руку охранника.

Подумал, и подтащил своего стража к последнему, им убитому. Теперь более правдоподобно. Третий выстрел был в упор как-никак. В затылок.

А теперь нужно уходить, и делать это по возможности быстро. Прихватив с вешалки куртку, Гаенко чертыхнулся – рукав ее по локоть был испачкан кровью. Пришлось возвращаться к столу и выдергивать из ящика несколько салфеток.

Когда на рукаве кожаного пуховика не осталось и следа крови охранника, Гаенко накинул ее на плечи, намотал на шею шарф и только теперь почувствовал, как непослушны

руки.

Заставив себя успокоиться и расслабить лицо, черты которого были заострены и бледны, как после тяжелой болезни, управляющий улыбнулся, потом повторял это движение еще несколько раз, чтобы не выйти в зал навстречу знакомым со страшным оскалом. Все должно быть естественно. И сейчас он сможет улыбнуться легко, не тушуясь.

Он вышел и прикрыл дверь. В уши ударил знакомый перестук автоматических вертушек, цокот шарика по рулетке, команды крупье. Все знакомо и близко по духу. Казалось, он рожден для того, чтобы быть управляющим казино. Однако теперь со всем этим придется проститься.

Спустившись по лестнице, он завернул за угол и подошел к кассе.

– Как дела, Верочка? – спросил, двигая послушными, мило поджатыми губами.

– Все хорошо, Игорь Викторович, – ответила Верочка. – Правда, сегодня меньше, чем вчера.

– Ну-у, – рассмеялся он. – Если у ворот нашего заведения каждый день будут стрелять всех, кто возьмет джекпот, то скоро мы все останемся без работы. Ладно, присматривай тут. Который час? – Он засуетился и посмотрел на часы. – Тоже мне, «Ролекс» называется.

Верочка посмотрела куда-то под стойку:

– Ноль часов сорок восемь минут, Игорь Викторович.

– Нет, – ухмыльнулся тот, – все верно. А у меня такое впе-

чатление, что уже почти утро. Верочка, сними-ка мне каску...

Сначала она его не поняла. Потом поняла и стала бряцать ручкой сейфа. На то, чтобы принять у нее двадцать девять тысяч долларов и сто шестьдесят три тысячи рублей, ушло минут двадцать. Верочка потом обязательно вспомнит, что управляющий никуда не торопился. Во-вторых, двадцать девять тысяч долларов на дороге не валяются. Как и сто шестьдесят тысяч рублей, кстати.

Похлопав ее по руке, он дошел до бара, постоял еще с минуту, давая последние наставления охране, и вышел вон.

Несмотря на то что его тут же окутал двадатиградусный мороз, Гаенко мгновенно покрылся потом.

Нашел на стоянке свой «Мерседес», забрался внутрь и почти сразу тронул машину с места.

Глава 4

Утром Антон был уже в Екатеринбурге.

Тренировка «Олимпа» подходила к концу. Разбившись на две равноценные команды по велению тренера, футболисты перетасили на себе ворота, поставили их поперек поля, что свидетельствовало о том, что борьба будет проходить на ограниченном пространстве, то есть на каждом участке игрового поля. Одни надели оранжевые майки-накидки, другие – синие. Так легче отличать своего от чужого – не надевать же клубную форму. Прием прост, он пришел из Европы.

– Когда мы гоняли мяч во дворе, одна команда играла в майках, а другая раздевалась по пояс.

– Сверху? – уточнил Антон.

Между ним и опером из ГУВД Сидельниковым сидел мужчина лет сорока, с сильными руками и в тонких очках, которые нынче носят не по причине слабости зрения, а больше из-за куража. Попробуй поиграй с таким «слепым».

Его звали Базаян Фрунзик Норикович. Хороший в прошлом футболист, ныне – заместитель председателя Федерального агентства по спорту России. Жизненный путь его в спорте закончился три года назад, когда он закончил играть в Германии за «Вольфсбург», сама же жизнь его продолжалась, и текла она ровно и состоятельно. На Рублевском шоссе Фрунзик Норикович отстроил себе особняк, владел несколь-

кими машинами и никогда не скрывал своего достатка. Любый в Екатеринбурге, кто слышал о футболе, кто играл или кто просто болел у телевизора, знал Базаяна и считал его одним из лучших.

Сидели, тихо переговариваясь, наблюдая за вялой расправой в центре полуполя. Кряжин с Сидельниковым мучились от никотиновой зависимости, страдали невыносимо, однако курить на трибуне крытого стадиона, будучи проведенными туда Базаяном, было бы просто наглостью.

– Я им в Бремене еще говорил, – частил Фрунзик Норикович, – будете вот так на чужой половине сопلي выматывать друг у друга – конец. «Вердер» – команда серьезная, не нужно смотреть, что она ниже экватора местного чемпионата. У них все контратаки как выстрел. А с нашей скоростью...

– Да, с контратаками у нас – хоть вешайся... – огорченно подхватил Антон. – Фрунзик Норикович, а какой путь проходят деньги, прежде чем они выплачиваются за приобретенного футболиста?

Тот пожал плечами и сунул в рот пластик жвачки. Базаян знал, зачем он находится в компании следователя Генеральной прокуратуры, роль свою понимал и уже давно настроился на профессорскую волну. Объяснить сложные вещи человеку, который не имеет о процессе даже ориентировочного мнения, задача сложная, а подчас даже невыполнимая.

– Ну, начнем с начала, – сглотнув слюну, сказал Базаян. – Откуда берутся деньги на покупку мастеров. Во-первых, это

бюджет. Мэр или городской совет города, где расположен клуб, могут выделять на нужды клуба деньги. Это же самое может делать и правительство страны. Но цена хорошего футболиста сегодня такая, что подчас она выше в несколько раз тех бюджетных средств, что выделяются клубу в качестве дотационной поддержки. Я пока все понятно объясняю?

Ощущая заботу и волнение Базаяна за исполнение своей ответственной миссии, Антон улыбнулся:

– Как по букварю. Даже Сидельников понял.

Опер не обиделся. Вынул из кармана купленное на микрорынке перед стадионом яблоко и с треском вгрызся в него крепкими зубами.

– Ага, – обрадовался Базаян. – Теперь второе. Если клуб будет постоянно ходить с протянутой рукой за мэрией, то он не только не купит новых толковых футболистов, но и потеряет имеющихся. Тому же Анолсо предложат перейти в «Лидс», и он в него перейдет не задумываясь, хотя тот и на грани банкротства. А потому – реклама. Времена, когда футболисты бегали по полю в майках, на которых был лишь крошечный «трилистник» «Адидас», канули в Лету. Теперь поле пестрит так, словно на него выпустили две стаи тропических попугайчиков. По мощи клуба и рекламодатель. Только не нужно думать, что если на майках команды логотип крупнейшей нефтяной компании, то деньги льются в клуб фонтаном. Рекламодатель тоже не дурак и понимает, сколько хватит для того, чтобы одеть команду. Есть спонсоры постоян-

ные, зарекомендовавшие себя. Они, как правило, платят за то, чтобы клубы или сборные играли именно в их форме.

– Но главный источник, как я догадываюсь, не реклама и не бюджет городов, верно? – тактично вмешался, пользуясь паузой, Антон.

– Безусловно, нет. Главный источник средств – теневой капитал, проникающий в футбол под разной личиной. Это и спонсорская помощь неизвестных лиц... Скажите, вы бы хотели быть неизвестным спонсором, если речь идет не о помощи детскому дому или пострадавшим в катастрофе?

– Знаете, Фрунзик Норикович, я больше хотел бы быть объектом помощи неизвестного спонсора, – честно ответил Копаев. – И даже готов носить в Генеральной прокуратуре майку с логотипом какой-нибудь нефтяной компании. Но мне никто не помогает даже открыто. Кроме вас, разумеется.

– Это потому, что логотипы нефтяных компаний следователи Генеральной прокуратуры должны носить в папках, а не на майках, – остался серьезным Базаян. – Это как в анекдоте. Скажите, где должен настоящий мент носить нож?

– Это по части Сидельникова, – буркнул Копаев.

– В спине, – ответил капитан. – Но это уже неактуально.

– А вот вложение денег в футбол, наоборот, чрезвычайно актуально, – насел Базаян. – Потому что нет лучшего способа отмыть черный капитал, кроме как вложив его в игровой вид спорта, пользующийся наибольшей популярностью. Футбол, хоккей, баскетбол. География этих видов спорта широка и

глубока. Криминальное вложение средств с отдачей, от которого откажется любой предприниматель, уважающий закон, всегда манит тех, кто изначально расценивает спорт как средство получения большой прибыли. Купля-продажа игроков – это самый яркий пример того, как можно и рыбу съесть, и на санках покататься.

Возьмем, говорил Базаян, клуб. Мастеровитый, с именем. Такой же, как «Олимп», но только вымышленный. Дабы не обидеть, говорил Базаян, ни одну из команд, выступающих в российском чемпионате. Назовем его «Икс». В клуб стекаются все перечисленные категории денежных средств, включая и спонсорскую помощь, и участие капитала, не имеющего к футболу никакого отношения.

Клуб «Икс» постоянно заканчивает сезон в верхних строчках внутреннего чемпионата, что гарантирует ему право выступления на международных соревнованиях в рамках и под эгидой ФИФА. Это и Лига чемпионов, и Кубок УЕФА. Из-за постоянных проблем в российской школе футбола и застарелых схем работы тренеров российский футбол обречен. В клубах постоянно не хватает мастеров, ценителей тонкого паса, понимания комбинационной игры и умеющих брать ответственность в матче на себя.

Но вот в клубе «Икс» оказывается восемнадцатилетний мальчик. Оказывается в тот момент, когда до окончания внутреннего чемпионата остается несколько туров, а впереди – чемпионат мира. За пять последних игр российского

первенства юное дарование забивает семь мячей из пятнадцати, забитых командой. И моментально попадает в поле зрения не только главного тренера национальной сборной, но менеджеров ряда клубов экстра-класса, чья репутация столь высока, что уже почти не поддается критике. Газеты пестрят громкими предсказаниями судьбы нового российского Стрельцова, сравнивают мальчика с уже снискавшими себе славу именитыми футболистами западных клубов.

Мальчика берут на чемпионат, однако главный тренер в каждом матче сборной выпускает его на поле не в стартовом составе, а за пятнадцать минут до окончания второго тайма. То есть делает то же самое, что делал тренер клуба «Икс», откуда был приглашен для участия в играх за сборную мальчик.

Понимая ответственность, мальчик рвет бутсами из-под себя землю, выкладывает себя на поле без остатка и почти в каждой из игр группового турнира забивает по голу.

Болельщики разъярены, пресса недоумевает. Если мальчик забивает каждые четверть часа, тогда почему главный тренер не выпускает его в стартовом составе, где он мог бы приносить команде по три гола за тайм? И страницы газет вновь пестрят репликами, на этот раз уже негодующими. Сборная играет слабо, на поле ведет себя неуверенно, и вся надежда, казалось бы, на юное дарование... А главный тренер держит его в запасе, выпуская на поле при счете уже 0:3 не в нашу пользу!..

Чемпионат заканчивается для сборной так, как должен был закончиться, что с юным дарованием, что без оного. Команда опять не вышла из группового турнира. И единственное утешение для русских теперь заключается в том, что начинают появляться в команде мальчишки, способные спасти Россию.

А дальше начинают происходить странные события. Сразу после поступления предложений менеджеру юноши от английских «Тоттенхэма» и «Ливерпуля», французского «ПСЖ» и итальянского «Интера» указанный менеджер разрывает договор с российским клубом «Икс», выплачивая ему неустойку. Главный тренер «Икс» в бешенстве. Он называет мальчику, вскормленного с ладони, и его менеджера предателями, призывает общественность показывать на корыстолюбцев пальцем и не иметь с ними дел. То же самое призывает делать и бестолковая пресса. А менеджер мальчику между тем заключает контракт с «Интером», согласно которому мальчик из «Икс» переходит в итальянскую лигу «А» – аналог английской премьер-лиги, а клуб «Икс» получает на счет десять миллионов евро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.